

Никому не верилось, что он может выздороветь. Семь дней оставалось до его дня рождения и ещё семь до Рождества. В уютной комнате тепло и светло, так обычно бывает в хороший зимний день. На постели лежал Тим, на огромной белой подушке, словно горошина в вате, покоилась его маленькая головка. Огромные чёрные глаза, как два уголька в снегу, с печалью смотрели на потолок, на котором, словно по мановению руки доброго волшебника, в тени от ёлки, от кружевных занавесок создавался причудливый загадочный мир. В этом маленьком мире Тим и жил последние дни своей маленькой жизни.

Из снов: Великан Верлиока приходил в сахарный город хлебных человечков, живших на кисельном берегу молочной реки. С голодной жадностью пожирал великан маленькую хрупкую церквушку, сделанную из воздушного крем-брюле, верх башенки покрыт коричневым слоем сливочного шоколада, а колокол вылит из разноцветных леденцов и с утра или под вечер звенел разными цветами: от тёмно-вишнёвого до солнечно-жёлтого. Крест церквушки был выпилен из «пломбира» и заправлен жёлтой глазурью. Рядом стоял Молодец, составленный из выпеченных булочником хлебных окатышей. Великан, обычно насытившись, засыпал у молочной реки, весь извалявшись в кисельных берегах. Хлебные человечки ничего не могли поделать с Верлиокой, поэтому заново отстраивали (точнее было бы сказать, выпекали, изготавливали) церквушку, колодец, другие здания и продолжали жить и радоваться, ведь следующий приход великана будет только через год...

Тим с большим интересом и любовью наблюдал за жизнью маленьких добрых человечков и смотрел эти живые картинки до тех пор, пока боль внутри не смешивала фасоль восприятия с чечевицей тёмных пятен беспамятства. ...Иногда он даже слышал разговоры хлебных человечков, которые после трудного дня возвращались в свои пшеничные мягкие дома, разводили огонь и готовили себе ужин: грибы, рыбу, парили вкусно пахнувшие каши — пшеничную, гречневую, тыквенную. Как скреблись в углу кухни мышки-пылинки и как родители мыши наказывали своих мышат за неопрятность. Поужинав, человечки усаживались за свои любимые занятия: женщины штопали носки или вязали тёплые свитера, дети возились с игрушками или выделывали ледяные коньки, мужчины шили паруса на построенные кораблики, чтобы весной пустить их по Молочной реке к далёким серым берегам: где постоянно висят тяжёлые серые тучи, где дети бледные и с огромными чёрными глазами.

Тиму казалось, что так можно жить бесконечно долго, или хотя бы терпеть всё это, если бы не врачи, которые оказывались всякий день разные. После прихода очередного врача он чувствовал, как менялось

настроение родителей, почему-то они боялись смотреть в его глаза, а если они и встречались взглядами, то глаза у них были мутными и красными. А это Тиму не нравилось. Они были похожи на закат солнца. Тим очень любил своих родителей, он скорее не видел, а чувствовал, как они страдают. Он так же не осознавал, от какой причины, но где-то там, в глубине живота ему казалось, что виною он, вернее, эта мучительная страшная болезнь.

До болезни Тим рос, как обычный ребёнок — получал подарки от родственников по праздникам, а в Новый год и на День рождения от родителей. Мама дарила что-нибудь нужное: морской костюмчик с корабликом на боковом кармашке или тёплую рубашку с начёсом, чем-то похожую на верблюда. Отец приносил и прятал под подушку красивую книжку или вкусный леденец. А теперь во время болезни вся его жизнь стала похожей на преддверие какого-то большого, исключительного праздника. Даже зимой на маленьком столике в изголовье пыжились от важности оранжевые с дырочками апельсины, глянцевые с блестящими капельками росинок воздыхали яблоки, горкой не убранных вещей отдыхал сладкий изюм, высушенная, словно не проглаженная мокрая одежда, на солнце морщилась курага. В преддверии, какого же большого праздника такие подарки?

— Только три дня и он... умрёт, — заявлял следующий осмотревший Тима доктор. Он уходил, небрежно сунув смятые деньги в карман, даже не пересчитав, словно вор, словно ему было стыдно, что всего три дня. — Извините, но вы же просили правду, До свидания. Ничем, ничем, не могу... — Лекарства, фрукты и диета, прописанные Тиму, были так дороги по нынешним временам, что родителям не оставалось денег на собственное питание. Слава Богу, кой-какие запасы да постная тюрка, раз в две недели по воскресениям пироги с молоком. Цены на хлеб — обратно пропорционально цене на жизнь.

Тим любил куриный бульон, который приносила мама и от которого удивительно пахло огнём, жареным хлебом, чистым фартуком и ещё чем-то таинственным. Слово курица у него ассоциировалась с его матерью. Наверное, думал он, курица — это какое-то исходное мамы. Где-то там очень далеко эта первая курица готовит вкусные белые нити и соединяет их, потом замораживает и в большой светлой кастрюле присыпает моей маме, мама добавляет в содержимое звездочки моркови, голышки картофеля, крупинки укропа и долго варит на огне.

Вот снова зазвенел звонок, и в комнату, где лежал Тим, вошёл большой, огромный, как медведь на ярмарке, врач. В голове промелькнула большая цепь, на которой сидел медведь, кости, разгрызанные его мощными челюстями и почему-то разрушенная церковь, которая, как два больных гнилых зуба, задержалась на этой земле больше, чем ей положено. На глаза у Тима навернулись слёзы, он съёжился в постельке.

— Здравствуй, красный молодец, а я дед Мороз, всем подарочки принёс, — теплым, ласковым голосом пропел врач.

— Я не верю вам, вы — Верлиока, вы меня хотите обидеть, — отвернувшись, ответил Тим, и готов был уже расплакаться. Но странно повёл себя доктор. Он немного прищурил глаз, загадочно подмигнул Тиму и спросил: «Как ты думаешь, Верлиока может быть добрым?»

— Нет, он злой, потому что съедает церквушку у хлебных человечков и никого не любит.

— Верлиока может петь песни?

— Нет. Он может только сопеть большим носом.

И на удивление Тиму, этот дядя-врач запел:

*Метёт пурга по всей стране,
Метёт метлою по земле,
Да только мы в дому сидим,
Чай пьём и про весну всё говорим...*

Потом он открыл свой красный пузатый саквояж, что-то достал из него и, словно заговорщик, прошептал прямо на ухо Тиму:

— Хочешь, я научу тебя этой песенке?

Конечно же, мальчику хотелось научиться этой песенки. И эта игра в тайных заговорщиков ему понравилась. Он обхватил голову врача руками и, чтоб никто не услышал, прошептал:

— Конечно, хочу.

Врач осмотрел мальчика, потом, словно комар, уколол в палец и тоненькой трубочкой, как паста в ручке, взял кровь.

— Вашему мальчику поможет только чудо, болезнь прогрессирует, нужны новые лекарства... Понимаю, достать их вы не в состоянии, здесь нужны доллары. Но надо надеяться. Тем более, мальчик не замыкается, а что-то постоянно думает и фантазирует, помогите ему...

— Доктор, но, может, можно что-нибудь сделать!?

— Только чудо и...

Но дальше Тим уже не слышал, его хлебные человечки раздумывали о том, какие подарки сделать к Рождеству и чем угостить своих друзей, которые придут в гости...

С каждым днём финансовые возможности семьи становились все меньше и меньше. Семья на своих запасах ещё держалась, а мальчику становилось всё хуже. На рынке цены скакали вверх так же, как воробьи на городской площади. Не на что было купить дров. Они бы продержались зиму, да в одну ночь, когда собаку пришлось впустить в дом, такая была колючая и злая пурга, кто-то разобрал всю поленицу, оставив дров только утром на растопку. В эту зиму особенно тяжело приходилось одиноким старикам и нищим. Возвращаясь поутру с базара, мать Тима, как впрочем, и все женщины, брала с собой огромный кол, потому что ту небольшую снедь, какую она несла домой, могли отнять голодные, оборванные нищие.

Тихо тлели угли, переливаясь зелёно-чёрным малахитом, тяжело дышала печь, в углу дрожал язычок лампы. Внутри у Тима всё горело. Изжигались последние силы, глаза слипались, голова тяжелела, пальцы из последних сил сжимали тонкий пододеяльник — они белели медленно, неспешно, словно жизнь уходила капля за каплей, секунда за секундой, отмечая свой уход дрожью во всём теле от удаляющихся за чёрным окном шагов. Сползало одеяло, и не было сил его поправить. Тиму виделось что-то неясное. Он вцепился в одеяло зубами, прижал его изо всех сил к себе, и слёзы, как падающие звёзды в морозно-чернильном небе, подсыхали чистую белую ткань подушки.

Кухня погружалась во тьму, мать молилась, словно стонала, закусив платок. Горе матери, пережившей своего ребёнка, горе человеку, пережившему свою веру, горе человечеству, пережившему Бога... Отец не находил себе места, он принимался то за одно, то за другое дело, но всё валилось из рук. В конце концов, он взял топор и вышел на двор, раздался сухой треск колотых дров, этот звук заполнил тишину Рождественского вечера. По простуженным садам и по тёмным улицам города гуляла свобода... Колоть дрова вначале было неловко, мешала телогрейка, рука в варежках неумело брала берёзовые катыши, ноги в кашошах скользили, и чернота окон дома не давала душе покоя... Псы зимы с шумным шелестом позёмки по насту несли сани холода, разнося муть ночи во все закоулки. Миллионы зелёных кошачьих глаз вспыхивали на сугробах, под крышами сараев и домов, на проводах и под сенями стонали замёрзшие галки, мир ожесточённо острил свои клыки, когти, блестя жадными злыми глазами, в неудержимом желании всех и каждого сохранить лишь собственную маленькую жизнь... Переваливаясь через дорогу, ковыляя на своих обмёрзших ногах, в грязном поношенном белье ползла культяпка смерти, ползла туда, к дому, где слышался сухой треск колотившихся дров... После расколотой первой поленицы отцу Тима стало немного полегче, работа облегчила

душу, сняла усталость ожидания. Он снял телогрейку, скинул варежки, стаянул с головы шапку и заработал еще тверже и упрямее, повторяя: «Пусть все болезни отойдут ко мне. Господи! Все! Только пусть будет жить мой мальчик...»

Он не заметил, как показалась из-за туч ЕГО ЗВЕЗДА, как удлинялся от чьей-то тени за его спиной силуэт на снегу, как жена увлекла его, будто пьяного в тёплый дом, как он, не раздеваясь, в полуобморочном состоянии, провалился в тревожный цветной сон. Ему приснился Хлебный город, как там праздновали Рождество, и как великан Верлиока не смог помешать празднику. Напившись, он угодил в полынью реки и всю ночь возился в ней, пытаясь выбраться. Однако праздник в городе получился на славу: вокруг большой синей ели веселился весь город — и стар и мал. Здесь был и сам Мармеладный король с принцессой из розового зефира, и молочный кот цвета топлёного молока, и горчичные верблюды со своими хозяевами из белой ванильной халвы, весело щебетали пряничные голуби и щербетные воробьи, по всему городу стояли белые мороженщики из сливочного мороженого и продавали круглые дольки, обсыпанные сахарной пудрой и имеющие вкус и цвет различных фруктов. Банановые обезьянки танцевали весёлый танец, а ананасовый попугай выкрикивал фразы на древнееврейском языке. Все кружили хороводы, прыгали через костёр, играли в прятки и лапту до тех пор, пока не показалась Рождественская звезда. Прежде чем взойти над Северной страной, она появлялась в городе хлебных человечков и исполняла любое их пожелание за то, что они весь год приносили лишь добро людям. Город замер, словно погрузился в волшебный сон.

— Что вы хотите, — спрашивала их яркая, нежно-голубого цвета звезда, — любое ваше желание исполнится. Хотите, я навсегда освобожу вас от Верлиоки, приносящего вам столько разрушений и несчастья.

Но хлебные человечки и все их гости почему-то обиделись и как маленькие дети опустили глаза в землю.

— Что же вы хотите?

— Чтоб вылезлся черноглазый мальчик по имени Тим, в северной стране, — ответила прекрасная принцесса, все жители и гости подхватили:

— Пусть вылезется, конечно, ведь это будет справедливо... Пусть вылезется... Справедливо... Пусть...

Сон как будто прошёл, и только открыв глаза, отец Тима увидел освещённый звёздами их двор, и какая-то чёрная, гнилая куляпка рубила во дворе дрова в его одежде, хрипло дышала и где-то в глубине своих лёгких он чувствовал этот хрип. Потом всё закружилось, и только красивые крупные снежинки, он их видел так близко, словно сам был одной из них, ложились на большие розовые губы лошади, таяли на них.

Пришло утро, свежее и румяное, как пироги из горячей печки. У отца поднялась температура, тело била лихорадка. Он открыл глаза и увидел, как у его кровати в ярком солнечно-снежном освещении со спины, лицом к нему стояли жена и сынишка. Он держал в руках картинку, на которой был нарисован тот самый хлебный город, который он видел во сне, с подписью, еще неловкими корявыми буквами: «Ах, этот чудесный хлебный город! С Рождеством! Папе!» Отец закрыл глаза и беззвучно заплакал, а про себя прошептал: «Спасибо Господи, что услышал мои мольбы. Пусть лучше я, чем сын». И забылся тяжёлым сном.

P.S. На следующий год Рождество они справляли вчетвером, у них родилась дочка — Мария...

23 декабря-16 января 1992 года.